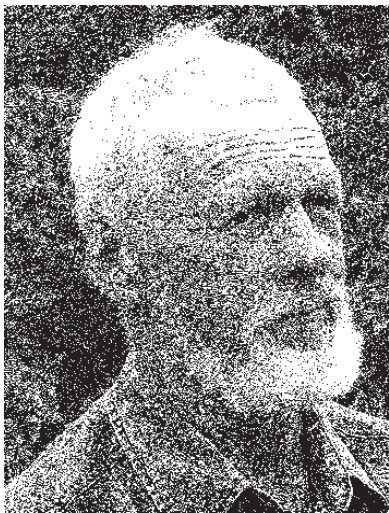

У НАС В ГОСТЯХ

Александр ЛОГИНОВ

Логинов Александр Александрович родился 27 августа 1948 г. в Мончегорске Мурманской области. До шестнадцати-летнего возраста жил с родителями в Тихвине, Волховстрое, на Украине, в Каргополе. Учился в Ярославском автомеханическом техникуме и Брянском техникуме физической культуры. Был рабочим, журналистом. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Поэт, прозаик. Член Союза писателей СССР с 1988 г. (затем Союза писателей России). Автор девяти поэтических книг, лауреат многих литературных конкурсов и премий. Стихи переведены на греческий, азербайджанский и скандинавские языки.

НА РОССТАНИ РУССКИХ ДОРОГ

ПОДКОВА

*Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?..
Гавриил Державин*

Я подкову нашёл в невесёлом краю,
Где когда-то оставил я юность свою.

Бесконфетное детство, овсяный кисель,
И набитая туго соломой постель,

И бумажный динамик, обещающий мне
Непременное счастье в советской стране,

О, тех дней подслащённый
 губительный яд!
Золотые гвоздочки в подкове блестят.

Только счастье моё, как ночной уголёк,
Затерялось на росстанях русских дорог.

Я не знаю, какой на Земле нынче век—
Расскажи мне о нём, дорогой человек.

Отчего ледяною щетиной леса
Проросли сквозь мои голубые глаза?

Отчего зарождаются в пепельной тьме
Стаи огненных вихрей на нашей земле?

Спой рассветную песню,
 румяный снигирь,
Подними на крыла нашу русскую ширь!

Чтобы алой зарёй надышаться с лихвой,
Чтоб не сгнули братья во мгле фронтовой,

Я оставил подкову, сверкнувшую мне,
Золотыми гвоздями прибитой к земле.

* * *

Опричники и скоморохи.
Стальная ночь. Калёный лёд.
В России жить не так уж плохо —
Не каждого сбивают влёт.

Когда смежит ресницы вечер
И полночь распахнёт глаза,
Взлетают стаи птичек певчих...
И голоса, и голоса!..

Они не прятались по схранам
В руинах рухнувшего дня.
Над душами непокорённых
Бессильна власти пятерня.

И пусть грозна её десница,
Но в роковой священный час
С врагом Отечества сразиться
Придётся каждому из нас.

Забыты старые обиды,
Коль честь и слава за спиной.
И впереди Денис Давыдов —
С гусарской саблею шальной.

А вороные и гнедые
Несут намётom нас туда,
Где песен свитки золотые
Рождает русская звезда.

* * *

Жжёт мне душу старинная песня —
Бьётся в горле, да звуки не те.
И слова позабылись, хоть тресни.
Сколько лет в тесноте, в темноте

Задышалась мелодия дедов,
Превратилась в болезненный ком.
Что-то вроде бессвязного бреда
Зреет в мыслях и сердце моём.

Путь к Спасителю труден и долог.
В бедном сердце затеплю свечу.
«Боже праведный, это лишь морок!» —
Всей смятенной душой прошепчу.

Это что с моей Родиной стало?
Едкий дым застилает глаза...
И стою я, седой и усталый,
Пред стеной абсолютного зла.

Небо грозно кипит облаками,
Молний жар опалает виски,
И горят у меня под ногами
Одуванчики и васильки.

Разбухает нечистая сила.
Вижу, как сквозь клубящийся мрак
То копыто пробьётся, то рыло.
Как смердит он, бесовский пятак!

Предлагает заняться с ним торгом.
Но в груди моей лопнул пузырь —
Песнь старинная хлынула горлом,
И откликнулась русская ширь.

Шевелятся надгробные плиты,
И восходят из толщи земли
Те, которые в нас не убиты —
Дорогие собратья мои.

Чаша доблести ходит по кругу,
Васильки формируют полки.
И поёт одуванчиков вьюга:
«Возвращайтесь скорей, пареньки!»

ДОРОГА

Какая странная дорога
Ведёт через пустырь в леса —
Полуразваленные дроги,
На дрогах ржавая коса,

А чуть левее, на пригорке,
Останки крыльев ветряных.
И посвист, жалобный и горький,
Ветров утробных ледяных.

Пониже, в русле пересохшем,
Расколотые жернова.
И там, где раньше были пожни —
Седая мёртвая трава.

И кукла с выдавленным глазом...
Какой чумою моровой,
За что был русский мир наказан?
Ответь нам, Разум Мировой!

Ответа нет. А перспектива
Дорожная ведёт туда,
Где сквозь репейник и крапиву
Сияет красная звезда.

Какие пламенные речи,
Какие цели здесь цвели!
Теперь же всем пятиконечьем
Она вырастает в плоть земли.

Разрывы рельс, обломки шпилей —
Всё скопом списано в багаж.
Ах, чья б душа перекрестила
Такой убийственный пейзаж!

Погасли фейерверков гроздья,
И, ввинченное в шар земной,

Торчит ракетное охвостье.
И тот же вихорь ледяной

Свистит над мёртвою промзоной...
Горбатится угрюмый лес.
Но встал просвеченный до звона
Один как перст поклонный крест.

И перед ним, объятый стужей
И хриплым граем воронья,
Застыл дикорастущий ужас,
Зелёным пламенем горя.

* * *

Вороньё раскаркалось. Ангелы уснули.
Вот в такие ночи рвётся жизни нить.
Отливает братец мой серебряную пулю,
Хочет в сердце самое беса поразить.

«Пуля будет славная, —
шепчет он, — прицельная».
Что ж так ухмыляется за спиною бес?
Отливает пулю брат
из креста нательного —
Капелька за капелькой истекает крест.

А под утро матушка в скорби безысходной
Припадёт со стоном к голове хмельной:
«Что с тобою станется
без креста Господня?
Лучше бы разверзлись тверди подо мной!»

В мутном небе движутся лунные обозы.
Матушка склоняется
над мёртвым серебром:
«Отливал ты пулю, а отлились слёзы.
Может, через слёзы мы тебя спасём...»

ПУТЬ

... Когда же Творец пробудился
И вызрели слов янтари,
С небес тихий голос пролился,
Сказал мне:

«Иди и смотри».

Спускаясь с высоких угоров,
Взбираясь по склонам холмов,
Я шёл сквозь рассветные зори,
Сквозь горечь закатных дымов.

И чудилось — за перелеском
То смех, то людей голоса.
И ясным лазоревым блеском
Мои наполнялись глаза.

Но вновь рассыпались виденья.
И невозможная испуг,
Тянули слепые деревни
Ко мне свою изгородь рук.

И так день за днём, ночь за ночью
На всём окаянном пути.
Надежда и вера — все в клочья,
Мечта умещалась в горсти.

Всё дальше и дальше на север
Меня гнал скитальческий рок.
Остатки мечты я рассеял
На росстанях русских дорог.

И вот, утолив вечный голод
Скитаний, душевных разрух,
Пришёл я в неведомый город.
Над городом — красный петух!

Впервые глаза наблюдали
Такой огнеперый закат —
Тяжёлые медные дали,
Реки краснолобый накат.

Средь мрачных руин возносился
Телец золотой, и над ним
Расплавленный воздух змеился,
Клубился языческий дым.

Казалось, со дня сотворенья
Тот проклятый город алкал
Разрухи, упадка и тленья.
Такой ли я город искал?!

Где пышность, где дивные виды,
Плеск улиц и шум городской?
Остался сверкающий идол —
Свидетель гордыни людской.

Последний безмолвный свидетель
Сиял — аж ломило в висках!
А молний горячие плети
Уже проросли в облаках.

Уже был исход предначертан
И крест покаянный отлит,
Изжит и до капли исчерпан
Бесовской свободы лимит.

Уже чёрной кровью на злате
Пошли закипать пузыри...
И миру явился Создатель.
И пророкотало:

«Смотри!»

И вихрь под Божией дланью
Сомкнул роковое кольцо.
И небо грозovým дыханьем
Моё опалило лицо...

Очнулся.

Тягуче и плавно

Свет лился волной заревой.

Стоял я на площади главной

И в колокол бил вечевой.

С окрестных лесов, из оврагов,

Со всей святорусской земли

С почти неземною отвагой

Горбатые избы ползли.

Зов властный, могучий и древний

Их поднял. И видел я, как

Цеплялись за берег деревни,

Срастаясь как пальцы в кулак.

И плавился звон колокольный,

Стекая вниз по куполам,

И ввысь возносился престольный,

Построенный заново храм.

РУСИЧИ

В строку, подчёркнуто —

Так птицы летят на юг,

Собратьев чокнутых

Веду на весенний луг.

Вокруг смеркается,

Но видится ясно мне —

Сверкают палицы,

А лица уже во тьме.

Собратья молятся.

Окончились дни поста.

Они готовятся

В Господни войти врата.

И дали — медные,

И рек — краснолоб накат.

И не победные

Литавры для них гремят.

В шеренги строятся,

Знамён поднимают шёлк.

Святая Троица

Глядит на бессмертный полк.

Да, это русичи!

И пусть бой последний лют —

Ещё есть кузницы,

Где вечность для них куют.

СНЕГИРИ

I

Ух ты! По речке мороз пробежал.

С гулом из трещины ринулся жар.

Там, в глубине, закипела водица.

Можно теперь и бурлящей напиться.

Стынью немою заходит спина.

Грудь геркулесова жара полна.

Руки раскину. Эй, птички-зверушки,

Быстро ко мне! Здесь тепло, как в избушке.

Падает с ветки тяжёлый снегирь.

Снег закипает. Каков богатырь!

Чу! Да к тому ж ты ещё голосист.

Слышу тревожный в груди твоей свист.

Сколько ж ты боли в себе сохранил!

Хватит ли, друг ясногрудый, нам сил

Чашу страданий до донца испить,
Зиму железную переломить?..

II

Я впервые увидел их
В тех ещё, восьмидесятых,
Когда меченый дьявольским
Или масонским клеймом
Искуситель манил
Всех нас в рай европейского сада
И хозяину клялся
Он сердцем России — Кремлём.

Я не главный герой
Был в задуманной дьяволом драме,
И мой голос тогда
Не вплетался в восторженный хор.
Я над русской рекой,
На обрыве, продутым ветрами,
Снегирей северов
Запускал в леденящий простор.

А с московских дерев
Опадали последние листья,
Из всех пушек ударил
По Родине капитализм.
Снегири моих чувств
Не смирились,
Но в воздухе мгlistом
Почернели их крылья —
Явился беспалый Борис.

Наша жизнь — как пустырь
На пути между тьмою и светом.
Было тошно смотреть,
Как, пускаясь в безудержный пляс,
На поминках страны

Проповедник ножей и кастетов
Нам смеялся в лицо
И крестился на иконостас.

Как пылали они
В ту лихую и лютую зиму!
Когда я — молодой —
С непокрытой стоял головой.
Опускались снега
Беспощадно и невыносимо,
И бесславья туман
Занимался над русской землёй...

И сдавило мне горло,
И сердце сковало испугом,
И ослепло — живое —
И кануло в белую мглу...
А когда развиднелось
И сгнули бесовы слуги,
То остались лежать
Снегири на кровавом снегу.

И расплавили снег,
И ушли на такие глубины,
Где живой нет воды,
Только мёртвая, мёртвых мертвей...

Я люблю эту жизнь,
Её грозы и ливни лавиной!
Только вот не хватает
Мне нынче моих снегирей.

Я в совиные ночи
Ищу их в глубоких оврагах,
В самоцветной горе
Проход пробиваю кайлом,
В сталактитовых недрах

Блуждаю без пищи и влаги.
И всё мнится — вот-вот
Промахнут они алым крылом.

И, конечно, на Русь
Полетят заревыми полками,
И реку моей юности
Грозный взорвёт ледоход.
Я взойду на обрыв
И вдохну их морозное пламя,
Снегирей отправляя
В могучий свободный полёт.

* * *

Изначально в России поэт
Почитается в роли спасателя.
У меня вот есть членский билет —
И печать в нем союза писателей.

А кого в этой жизни я спас?
Без ответа вопрос мой мучительный.
Заложили фугас под Парнас —
Усмехаются горько учителя.

Покидая родной городок,
Выходя на ночную окраину, —
Укушу себя за локоток,
Вспомню жизнь и отцову, и мамину.

Ни регалий, вообще, ни хрена
Не осталось. Почётною грамотой
Наградила родимых страна,
Как заслуженных вымерших мамонтов.

Не печальтесь. На русском кресте
Имена ваши кровью написаны.
Есть там место и Красной звезде
Победителей в битве немыслимой.

Слышишь, батя! Наш век лиходей.
Наша жизнь то стерня, то колдобина.
Ты уж там, эх, по полной налей
Да и выпей — за сына и Родину!

Чтоб прошёл он свой путь не за мзду —
Ведь не все деньки в жизни прогуляны,
Чтоб плужил он свою борозду,
Выпрямляя судьбы загогулины.